

Т.Ю.БОНДАРЕНКО

АФГАНИСТАН И ИРАК: СИМУЛЯЦИЯ СУВЕРЕНИТЕТА

Развитие современного мира неразрывно связано с процессом глобализации, в который оказываются вовлечены как страны, так и международные акторы. Однако различные государства не являются равноценными игроками на международной арене, и можно с уверенностью утверждать, что в настоящий момент у глобализации обозначился четкий лидер – США. Роль лидера данного процесса предполагает решение целого ряда проблем – от обеспечения безопасности и стабильности на международной арене до поиска экономических ресурсов, необходимых для эффективного развития.

В конце 90-х годов XX в. в мировом политическом процессе выявилась новая тенденция – вмешательство в поле суверенитета независимых государств под предлогом обеспечения безопасности мирового сообщества. Примерами подобного вмешательства являются проведенные под руководством США операции в Югославии, Ираке и Афганистане.

Обратимся к операциям в Афганистане и Ираке, которые представляют собой попытку внесения изменений в политические системы стран извне, опираясь на фактор силы. Поскольку логика нового, американо-центричного мира, выстраиваемого в настоящий момент США, требует совместимости политических систем различных стран, была предпринята попытка форсировать модернизацию тех государств, которые, по мнению американского руководства, не вписываются в эту схему.

Для того чтобы оценить эффективность модернизации и построения политических структур «извне», необходимо обратиться к истории развития этих двух стран.

Афганистан всегда являлся предметом повышенного международного внимания, в том числе и потому, что по его территории проходили все важнейшие торговые пути в Евразии. Обе попытки завоевать страну, предпринятые Великобританией в XIX в., провалились. Не удалась также третья попытка, предпринятая Великобританией уже после Первой мировой войны.

После провала третьей попытки Великобритании в стране установился независимый королевский режим. *Первый этап* развития политической системы независимого Афганистана можно отнести к периоду монархического правления (1919–1973). По сути это была полуфеодальная система, поскольку король был вынужден согласовывать проводимую политику с главами различных этносов. В период монархического правления проводилась ограниченная модернизация и либерализация. Первым подобные попытки предпринял Аманулла-хан, при нем в 1923 г. была принята первая Конституция Афганистана¹. Король Захир-шах продолжил модернизацию политической и экономической сфер. Во время его правления в 1964 г. была принята Конституция, согласно которой предусматривались выборность нижней палаты и частичное избрание членов верхней палаты парламента. Страна была объявлена конституционной монархией, но власть короля оставалась почти абсолютной. Несмотря на предпринимаемые попытки, модернизация была ограниченной и неэффективной, стабильность в стране в период монархического правления так и не была достигнута.

Ко *второму этапу* развития политической системы Афганистана можно отнести период с 1973 по 1978 г., когда страной правил Мухаммед Дауд. В 1973 г. в результате военного переворота Мухаммед Дауд, двоюродный брат короля, захватил власть и провозгласил Афганистан республикой. Правительство начало форсированную модернизацию страны на принципах демократии и социализма. В 1976 г. была принята новая Конституция, которая декларировала введение в стране однопартийной системы. Политическая система в этот период была централизованной, вся власть сосредоточена в руках президента, а любые

¹ Шумов С.А., Андреев А.Р. История Афганистана: Документальное исследование. – М., 2002.

проявления сопротивления режиму подавлялись. Но политика, проводимая М. Даудом, не привела к коренному изменению ситуации. Стагнация, разочарование жесткостью методов М. Дауда, а также отказ президента от установления контроля над Афганистаном со стороны СССР привели к тому, что в 1978 г. М. Дауд был свергнут офицерами из Народно-демократической партии Афганистана (НДПА).

1978–1987 гг. — *третий этап* развития политической системы, который характеризовался попытками построения в стране социалистического государства. Афганистан был провозглашен Демократической Республикой, а президентом страны стал Нур Мухаммед Тараки. На этом этапе вся власть принадлежала Революционному совету, во главе которого стоял президент. Политическую элиту составляли лидеры, занимавшие прокоммунистические позиции, любая оппозиция режиму подавлялась. Однако стабильность отсутствовала, страна продолжала оставаться раздробленной, а в рядах НДПА наметился раскол. Помимо этого, реформы нового правительства вызвали неоднозначную реакцию населения, в результате чего страна раскололась на два лагеря. В сентябре 1979 Тараки был насильственно смещен Хафизуллою Амином, который был настроен еще более революционно и не был склонен к политическим компромиссам. После усиления антиправительственных выступлений Амин был вынужден обратиться за помощью к СССР, который в декабре 1979 г. ввел в Афганистан свои войска. Амина сменил Бабрак Кармаль, стремившийся достичь согласия с оппонентами. Однако добиться примирения ему не удалось, и в стране началась полномасштабная гражданская война.

К концу 80-х годов, когда в Москве осознали необходимость перемен, Б. Кармалю на посту генсека ЦК НДПА сменил Наджибулла. В декабре 1987 г. была принята очередная Конституция, согласно которой страна стала Республикой Афганистан, а Наджибулла — президентом, в стране была провозглашена свобода слова и разрешено создание политических партий. Этот момент ознаменовал начало *четвертого периода* развития Афганистана.

Данный период характеризовался наличием авторитарного политического режима, но с элементами консенсуса. Предпринимались попытки стабилизировать обстановку путем поиска компромисса — легализации оппозиции, примирения конфликтующих сторон. В 1990 г. была принята очередная Конституция, которая провозглашала верховенство ислама над светскими законами, Афганистан объявлялся

исламским государством. Тем не менее компромисс между противоборствующими сторонами так и не был найден. В стране фактически продолжалась гражданская война, моджахеды оказывали сопротивление режиму Наджибуллы и стремились захватить власть в свои руки.

В 1992 г. моджахедам удалось окончательно захватить власть, что ознаменовало переход к очередному этапу развития Афганистана. *Пятый этап* – это борьба за власть, в которой доминирующими стали межэтнические противоречия. У власти в Кабуле оказалась коалиция влиятельных лиц – лидеров моджахедов, принадлежащих к разным этносам. При отсутствии действенного механизма согласования интересов между другими группировками моджахедов кабульские власти практически не контролировали обстановку в стране¹. Кроме того, с падением режима Наджибуллы разрушилась система контроля центра за ситуацией на местах, которая, хотя и была весьма несовершенной, обеспечивала относительный порядок в стране. Таким образом, данный период характеризовали раздробленность и децентрализация политической системы.

Шестой этап связан с появлением на афганской политической сцене новой силы – Движения талибов, сформированного в Пакистане при активной поддержке ЦРУ. Здесь необходимо сделать небольшое отступление и обратиться к внешним факторам, которые также сыграли большую роль в развитии Афганистана.

Известно, что Центральная Азия традиционно представляла собой сферу геополитических интересов не только Великобритании, но также России и США, которые со времен «холодной войны» боролись за этот стратегически важный регион. Стремясь противостоять СССР, США активно оказывали помощь оппозиции режиму НДПА, а также наращивали политико-дипломатическую поддержку моджахедов. Именно благодаря этой поддержке моджахеды смогли превратиться во влиятельную политическую силу в Афганистане. Однако после вывода советских войск из Афганистана и прихода к власти моджахедов кризис в этой стране не разрешился. Видя неспособность моджахедов сформировать правительство и организовать власть в стране, американские правящие круги начали осознавать, что, сделав ставку на моджахедов, они допустили серьезную ошибку. Выход из

¹ Арунова М.Р. Развитие ситуации в Афганистане и интересы России // Восток и Россия на рубеже XXI в. – М., 1998. – С. 184.

сложившейся ситуации в Вашингтоне видели в необходимости появления в Афганистане новой политической силы. Этой силой и стало движение «Талибан», которое объединяло выходцев из религиозных учебных заведений Пакистана¹.

Осенью 1994 г. талибы вступили на территорию Афганистана и захватили Кандагар. Затем они утвердились в нескольких провинциях на границе с Пакистаном, а в 1996 г. — захватили Кабул. К 1998 г. талибы взяли под свой контроль почти 90% территории Афганистана. Первоначально талибы выдвигали лозунги прекращения войны, борьбы со злоупотреблением властей на местах, разоружали полевых командиров моджахедов, устанавливали запреты на торговлю наркотиками, благодаря чему они заручились поддержкой афганского населения. Однако бывшие студенты пакистанских медресе быстро превратились в самостоятельных игроков на политической арене. Они начали проводить внутреннюю и внешнюю политику в соответствии со своим пониманием задач государственной власти и методов управления, основанном на собственном толковании исламских норм. Талибы призвали к очищению религии и внедрению шариата эпохи раннего ислама. Все, кто оказывал им противодействие, были объявлены вне закона. Вооруженный отпор талибам осуществлял Объединенный фронт спасения Афганистана (Северный альянс) под руководством Ахмад Шаха Масуда. Таким образом, страна вновь оказалась расколота на два противоборствующих лагеря.

Итак, в период с 1996 по 2001 г. в Афганистане установилась диктатура талибов. Страна была объявлена Исламским эмиратом, была отменена Конституция, правление осуществлялось на основе законов шариата и указов муллы Мухаммада Омара — главы талибов². В этот период еще больше обострились межэтнические противоречия, талибы боролись с полевыми командирами, стремясь обеспечить централизованный контроль за ситуацией на местах. Необходимо отметить, что им удалось добиться определенных успехов в деле централизации политической системы Афганистана, однако проводимая талибами жесткая политика, а также их связи с международными тер-

¹ Афганистан: процессы генезиса международного терроризма 2000–2001 гг. // Афганистан на переходном этапе. — М., 2002. — С. 14.

² Шохуморов С. Ислам на постсоветском пространстве. — Режим доступа: <http://www.carnegie.ru>.

рористическими организациями вызывали крайне негативную реакцию у всего мирового сообщества, включая и их бывших спонсоров — США и Пакистана.

Трагические события 11 сентября 2001г. в США в корне изменили ситуацию в Афганистане и вокруг него. 7 октября 2001 г., после окончательного отказа талибов выдать Усаму бен Ладена, американские войска начали антитеррористическую операцию в Афганистане с целью свергнуть талибов и установить в стране проамериканский режим. За два месяца американские войска при поддержке Объединенного фронта провели на территории Афганистана ряд операций по ликвидации опорных пунктов талибов. В результате военной операции в Афганистане режим талибов был окончательно свергнут.

Таким образом, с декабря 2001 г. по настоящее время продолжается новый, *седьмой этап* развития политической системы Афганистана. Однако необходимо отметить, что свержение режима талибов и установление в стране проамериканского режима отнюдь не решили всех проблем афганского общества и не способствовали стабилизации обстановки в стране.

После окончания антитеррористической операции в Афганистане начался процесс формирования новой, постталибской администрации. В этом процессе, возглавляемом Америкой, приняли активное участие и другие ведущие державы — члены антитеррористической коалиции. Большую часть мест в составе нового правительства, включая ключевые посты, заняли лидеры Северного альянса. Главой временной администрации Афганистана стал лидер одного из пуштунских кланов — Хамид Карзай. Временной администрации пришлось столкнуться с множеством проблем — массовым голодом, политической нестабильностью, необходимостью восстанавливать разрушенную экономику, проблемой возвращения в страну беженцев, резким ростом производства наркотиков. Однако, не имея четкого плана восстановления страны, решить их оказалось крайне сложно.

Образовавшийся вакуум власти на местах начал заполняться полевыми командирами, между которыми происходят периодические вооруженные столкновения. Роль полевых командиров велика во всех сферах жизни общества — политической, экономической, военной. Их авторитет вынуждает правительство Карзая маневрировать, учитывая расстановку политических сил в каждом регионе. Фактически страна остается раздробленной, политическая система крайне децен-

трализована, и предпринимаемые властью попытки стабилизировать обстановку до сих пор не приносят значимых результатов.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что в Афганистане так и не создано централизованного государства. Попытки построить единое централизованное государство предпринимались неоднократно различными правительствами, однако в силу особенностей традиционного афганского общества все они были обречены на провал. Большую роль здесь играет этническая разнородность страны, вследствие которой процесс построения единого государства-нации осложняется. Для Афганистана характерна широкая этническая разнородность: первыми по численности всегда были пуштуны (62,73%), затем – таджики (12,38%), хазарейцы (9%), узбеки (6,1%), туркмены (2,69%), аймаки (2,68%). Остальные малые этнические группы вместе составляют еще 4,42% (около 1 млн. человек)¹. Очевидно, что в сложившихся условиях стабильность в стране способен обеспечивать лишь жесткий авторитарный режим, поскольку демократический режим не может осуществлять эффективный контроль на местах, вследствие чего он не способен консолидировать страну. Помимо этого, в Афганистане отсутствует сильная элита, обладающая повсеместным влиянием, на которую можно было бы опереться в деле построения демократии в Афганистане.

Тем не менее американцы продолжают предпринимать попытки установления в Афганистане демократического режима. В январе 2004 г. была принята Конституция Афганистана, а в октябре 2004 г. прошли демократические выборы президента страны. Согласно новому Основному закону Афганистан является исламской республикой с президентским правлением, в стране гарантируются демократические права и свободы граждан, закрепляется равноправие мужчин и женщин. На первый взгляд, новая Конституция Афганистана в большей степени ориентирована на светское правление. Но по сравнению с периодом правления моджахедов принципиального изменения в отношениях государства и религии не произошло. Согласно ст. 2 Конституции, ни один закон не может противоречить положениям ислама. Таким образом, текст Конституции стал компромиссом между двумя противоборствующими сторонами – сторонниками реформ и консер-

¹ Хамагаев А. Этнополитический портрет Афганистана: Единство или федерализм? // Центральная Азия и Кавказ. 2004. – № 4. – С. 157.

ваторами. Принятие нового Основного закона ознаменовало собой попытку создания в стране демократической структуры, близкой к западному образцу. Однако на деле добиться этого до сих пор не удается, и можно с уверенностью утверждать, что Афганистану еще предстоит пройти долгий путь до момента становления жизнеспособного государства, не говоря уже о зарождении подлинной демократии.

В октябре 2004 г. в Афганистане впервые были проведены выборы президента по современной общепринятой в мире модели — на основе всеобщего голосования народа¹. Как и ожидалось, президентом был избран главный ставленник американцев — Х. Карзай. Он набрал 55,4% от общего числа голосов, обойдя остальных 17 кандидатов². Однако предвыборная кампания главного кандидата на пост президента страны была омрачена активизацией талибов, а также извечной афганской межэтнической борьбой — кандидаты на пост президента выдвигались не от партий, а от народностей. На протяжении практически всего периода, предшествовавшего выборам, главный кандидат на пост президента страны не покидал Кабул из опасения быть убитым. Таким образом, выборы в Афганистане выдвинули на первый план все противоречия афганского общества и проблемы, с которыми столкнулась страна после завершения контртеррористической операции и до решения которых еще очень далеко.

Обратимся теперь к Ираку. Необходимо отметить, что ситуация в этой стране сопоставима с ситуацией в Афганистане по ряду параметров. Как и в Афганистане, в Ираке единое государство-нация так и не было до конца сформировано, что объясняется особенностями исторического развития данной страны. Рассмотрим основные этапы развития политической системы Ирака.

Первый этап — с 1932 по 1958 г., когда в стране существовал монархический режим. С момента прекращения действия британского мандата и обретения Ираком независимости иракские правители неоднократно пытались провести модернизацию страны, создать общенациональную консолидированную структуру с целью укрепления

¹ Данай М. Афганистан: Между прошлым и будущим // Известия. — М., 2005. — 26 апр.

² Elections in Afghanistan. — Mode of access: <http://www.electionworld.org/afghanistan.htm>.

суверенитета Ирака¹. Согласно Конституции Ирака, принятой в 1924 г., Ирак являлся конституционной монархией с представительным правлением, верховная власть принадлежала королю. Но королю так и не удалось добиться установления политической стабильности в стране, централизованный контроль отсутствовал, политическая система была децентрализована.

Здесь необходимо обратиться к внутреннему фактору, мешавшему установлению централизованного контроля, а именно к традиционной структуре иракского общества. Иракское общество по своему составу крайне неоднородно. После политической консолидации страны под британским мандатом оно формировалось из совершенно разнородных этнических, религиозных, племенных и локальных сообществ. Даже распространенное трехчленное деление иракского населения на шиитский юг, суннитский центр и курдский север не отражает всей сложности картины. Эти три группы разделены внутри себя не менее сложными и глубокими границами. Помимо этого, в Ираке существует разветвленная сеть традиционных связей. Каждый человек обязательно принадлежит к какой-нибудь ашире, племени. Сунниты и шииты также разделены на многочисленные племена и группировки². Характерной особенностью Ирака является то, что сообщества, объединенные традиционными связями, зачастую враждуют друг с другом. Именно такая сложная структура иракского общества исключала формирование единого государства-нации и установление централизованного контроля над страной.

Вторым этапом развития политической системы Ирака является период с 1958 по 1968 г., когда к власти пришло революционное правительство. Ирак был объявлен республикой, а основу политической элиты страны этого периода составили коммунисты. Они взяли курс на построение социализма, однако противоречивые мероприятия правительства и раскол внутри Социалистического блока привели к воцарению хаоса³. Политическая нестабильность породила государственный

¹ Львов В.В. Современная политическая элита Ирака: А есть ли будущее? // Политическая элита Ближнего Востока. – М., 2000.

² Львов В.В. Ирак: Реалии власти и санкции // Ближний Восток и современность. – М., 1997. – Вып. 4.

³ Новейшая история стран Азии и Африки. – М., 2001. – Ч. 3.

кризис, и в июле 1968 г. представители партии БААС осуществили государственный переворот и захватили власть в свои руки.

С этого момента начинается *третий период* развития Ирака, который продолжался до 1979 г. Баасистский режим попытался консолидировать иракское общество на основе лозунгов панарабизма, социализма и единства. В 1970 г. была принята Временная конституция страны, согласно которой Ирак являлся народной демократической республикой, создавался Национальный совет революционного командования, который наделялся широкими властными полномочиями, в качестве основной цели заявлялось построение единого арабского государства и социалистического строя.

В 1979 г. к власти в Ираке пришел Саддам Хусейн, который стал одновременно президентом республики, премьер-министром, главой Совета революционного командования, главнокомандующим вооруженными силами и генеральным секретарем партии¹. Таким образом, С. Хусейн сосредоточил в своих руках абсолютную власть в стране. Он взял курс на построение единого арабского государства с сильно централизованной политической системой. Основу политической элиты страны составляли ближайшие родственники и соратники Хусейна, а также сунниты — выходцы из тикритского клана. Оппозиция шиитов и курдов жестко подавлялась. Необходимо отметить, что, несмотря на негативные стороны, *четвертый период* развития политической системы Ирака отличался сильной централизацией системы и консолидацией иракского общества. Именно во время диктатуры С. Хусейна в Ираке была создана суверенная государственность, поскольку лишь в подобных условиях удалось добиться централизации политической системы. Очевидно, что только сильный централизованный авторитарный режим был способен гарантировать единство и стабильность Ирака, поскольку консолидация по национальному признаку в нем неприменима. Успех С. Хусейна в деле консолидации иракского общества объясняется не только тем, что он сделал опору на силовой фактор, но и тем, что он сумел предложить идеологическую основу единства страны, которой не существовало до него и которую не смогли предложить американцы после окончания контртеррористической операции.

¹ Шумов С.А., Андреев А.Р. Ирак: История, народ, культура: Документальное историческое исследование. — М., 2002.

Итак, с момента проведения в Ираке контртеррористической операции «Шок и трепет» начинается *новый этап* развития этой страны, который до сих пор не завершен.

Американская контртеррористическая операция помимо борьбы с терроризмом ставила своей целью смену старого политического режима в Ираке и выстраивание нового режима извне посредством силы. По сути Ирак должен был стать первым в реализации американского проекта по демократизации всего региона Ближнего Востока.

По прошествии двух лет с начала данной операции возможно оценить, насколько эффективными оказались эти попытки модернизации государства, осуществляемые внешними силами, опирающимися главным образом на силовые ресурсы. В первую очередь, необходимо отметить, что американцы изначально допустили большую ошибку, не продумав план послевоенного переустройства Ирака. Основная идея заключалась в том, чтобы установить в стране демократический режим, но вопросу о том, насколько совместимыми окажутся демократические принципы с традиционной структурой иракского общества, должного внимания не уделялось.

Рассмотрим основные политические события, происходившие в Ираке после окончания военной фазы операции. С самого начала боевых действий главной задачей американцев был захват Багдада, падение которого, по их мнению, окончательно положило бы конец режиму С. Хусейна. После того как 9 апреля 2003 г. американские войска заняли Багдад, а 14 апреля пал последний оплот иракского режима – г. Тикрит, американское командование заявило, что масштабные боевые операции в Ираке закончились. А 2 мая 2003 г. президент США Дж. Буш заявил, что основная часть военной операции в Ираке завершена¹. Главой гражданской администрации Ирака был назначен бывший руководитель отдела по борьбе с терроризмом государственного департамента США – Пол Бремер. Основной задачей, поставленной перед гражданской администрацией Ирака, было создание условий для перехода Ирака к демократии. Однако война в Ираке не закончилась; в стране началась партизанская война. Помимо этого, оккупационные войска столкнулись с множеством проблем, главная из которых – распространение терроризма.

¹ Буш: война почти закончена. – Режим доступа: <http://www.bbc.co.uk> – 2003. – 2 мая.

Осенью 2003 г. президент США Дж. Буш неоднократно заявлял о решимости своей страны завершить «процесс обеспечения свободы, безопасности и мира в Ираке» и всемерно поддержать деятельность сформированного Временного управляющего совета Ирака. Однако ситуация в этой стране продолжала ухудшаться. Принятие 8 марта 2004 г. Временной конституции Ирака («Закона об управлении государством Ирак на переходный период») не принесло ощутимых позитивных результатов, хотя это событие и было преподнесено как серьезный шаг на пути передачи суверенитета иракскому народу. Документ не решал главной задачи, стоящей перед силами коалиции, — урегулирование отношений между основными этноконфессиональными группами страны. Кроме того, остался открытым и вопрос о том, кто будет на самом деле управлять страной после передачи властных полномочий иракскому правительству, поскольку США объявили о своем намерении сохранить военное присутствие в Ираке до конца 2005 г., что ставит под сомнение внутреннюю и международную легитимность очередного правительства Ирака.

28 июня 2004 г., на два дня раньше запланированного срока, власть была официально передана национальному временному правительству Ирака. Это означало формальное прекращение режима оккупации и возвращение стране суверенитета. Были окончательно сформированы исполнительные органы власти, в которых задействованы представители основных этнических групп страны. Однако необходимо констатировать, что передача власти не привела к реальному перелому ситуации. Временное правительство Ирака немногим отличалось от своего предшественника — самораспустившейся Временной коалиционной администрации. У него не было настоящего легитимного статуса, оно не имело эффективных рычагов воздействия на положение дел в Ираке, и, по сути, временное правительство стало лишь очередной американской «марионеткой». Новый орган исполнительной власти Ирака не контролировал местные силовые структуры, а также не имел возможности оказывать какое-либо влияние на деятельность коалиционных сил, что вызывало негативное отношение иракцев.

Серьезную угрозу существованию Ирака, как уже упоминалось выше, всегда представляла раздробленность иракского общества. После проведенной американцами операции страна оказалась на грани окончательного раскола. Три крупные этнические группы — сунниты, шииты и курды — преследовали собственные цели, и смена режима

предоставила им возможность их реализовать. Наибольшую опасность сохранению целостности иракского государства представляют претензии курдов, составляющих 15% населения страны. Курды начали бороться за собственную государственность еще на рубеже XVIII–XIX вв., и с тех пор роль курдского национализма в региональном и мировом развитии неуклонно возрастает. За несколько веков национального угнетения, усугубленного географическим разделом Курдистана между четырьмя государствами, курды накопили огромный потенциал национального протеста, выработанного в ходе бесконечных освободительных восстаний¹. В постсаддамовском Ираке курды начали настаивать на получении широкой автономии в рамках единого федеративного Ирака, дав понять, что они готовы к сопротивлению, если этого не произойдет. Таким образом, курды сумели настоять на получении дополнительных льгот от США в виде сильной автономии и собственных вооруженных формирований. Очевидно, что они не намерены останавливаться на достигнутом и в перспективе будут добиваться отделения от Ирака и создания независимого Курдистана. Подобный прецедент может привести к активизации и других этнических групп.

Таким образом, передача власти временному правительству Ирака не привела, да и не могла привести к реальному перелому ситуации. Положение в Ираке осложняется тем, что в стране отсутствует сильный политический лидер, способный консолидировать население и направить политический процесс в нужное русло. Без сильного лидера найти устраивающий различные религиозные и национальные группы баланс интересов и тем самым уберечь страну от раскола крайне сложно. А без сохранения единства Ирака восстановление его суверенитета невозможно.

Несомненной кульминацией попыток США внедрить демократию в Ираке и доказать всему миру, что она может прижиться в этой стране, стали выборы в Национальную ассамблею Ирака, состоявшиеся 30 января 2005 г. Эти выборы заранее были объявлены американцами самыми свободными и демократичными за всю историю существования Ирака. Однако данное заявление является голословным, поскольку те условия, в которых проводились выборы, нельзя

¹ Лазарев С.М. Новые тенденции в курдском национализме: Материалы конференции «Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке». — М., 1999.

назвать нормальными, – они проходили в условиях фактически продолжающейся оккупации, с многочисленными нарушениями и при отсутствии международных наблюдателей. Кандидаты из соображений безопасности не только не вели открыто избирательные кампании, но даже боялись вносить свои имена в бюллетени, не говоря уже о фотографиях. Первые в истории постсаддамовского Ирака многопартийные выборы начались с серии взрывов. Несмотря на усиленные меры безопасности, в результате взрывов и обстрелов избирательных участков погибло около 30 иракцев. Тем не менее выборы были признаны состоявшимися. По официальным данным, явка на выборы составила 72%, что кажется маловероятным, учитывая сложившуюся обстановку. По результатам выборов победу одержал блок «Объединенный иракский альянс», возглавляемый влиятельным шиитским лидером Али ас-Систани, который получил 48% голосов избирателей. На втором месте оказался блок ведущих курдских партий – Демократической партии Курдистана и Патриотического союза Курдистана – 25,7%. И лишь третье место занял блок «Иракский список» премьер-министра Айдяда Алауи, которого поддерживали американцы, – 13,8%¹. Арабы-сунниты бойкотировали выборы либо из политических соображений, либо просто из страха за свою жизнь. По всей стране их проголосовало около 6%. Победа блока «Объединенный иракский альянс» – вполне закономерный итог. Во-первых, потому, что шииты составляют 60% населения Ирака, а во-вторых, по причине непопулярности политики, проводимой Айядом Аллауи, которого считают «американской марионеткой».

6 апреля 2005 г. Национальная ассамблея Ирака подавляющим большинством голосов избрала президентом страны Джаляля Талабани – лидера Патриотического союза Курдистана. Он будет занимать эту должность до декабря 2005 г., когда в стране пройдут новые парламентские выборы. До этого момента президенту и назначенным им министрам предстоит решить ряд проблем и пережить ряд важных событий, среди которых – подготовка проекта новой Конституции и проведение референдума по Основному закону (15 октября). Избрание Талабани президентом Ирака может иметь неоднозначные последствия для будущего этой страны. С одной стороны, тот факт, что столь высокий пост занимает представитель курдов (что еще несколь-

¹ Mode of access: <http://www.usinfo.state.gov>.

ко лет назад было невозможно), является безусловным успехом на пути установления демократии в Ираке. Однако, с другой стороны, именно этот факт может способствовать дальнейшему распаду страны. Курды, которые всегда стремились к независимости и созданию собственного государства, вряд ли откажутся от своих претензий, тем более в таких благоприятных условиях, когда их представитель является президентом Ирака, а в тексте Временной конституции фактически закреплено их право на независимость. Кроме того, сам Талабани является сторонником федеративного устройства Ирака, при условии, что курды получают преимущества в виде доходов от нефтяных промыслов на севере Ирака.

Серьезные разногласия между основными политическими силами в Ираке вызвала подготовка проекта новой Конституции страны. Первоначально планировалось принять ее к 15 августа 2005 г., однако иракскому парламенту это не удалось из-за наличия принципиальных разногласий по довольно значимым вопросам. К началу сентября стороны нашли компромисс по спорным вопросам, однако прописанные в проекте положения остаются нечеткими. Одним из главных вопросов, вызвавших наибольшие разногласия, является вопрос о федеративном устройстве страны. В проекте Конституции прописано, что некоторым провинциям разрешается формировать самоуправляющиеся регионы в составе страны, по типу уже существующей курдской автономии. В случае принятия проекта на референдуме шииты намерены образовать автономию на юге Ирака, что вызывает большие опасения у суннитов. Необходимо отметить, что реализация проекта федеративного устройства Ирака из-за присущей стране этнической разнородности может привести к окончательному распаду государства.

Еще одним вопросом, вызвавшим серьезные разногласия в процессе обсуждения проекта Конституции, стала роль ислама. Курды, выступавшие за светское государство и опасавшиеся установления в стране шиитской теократии, были против правления на основе ислама. Тем не менее в документе содержится положение о том, что «ислам является официальной религией государства и основой законодательства Ирака и ни один закон не может противоречить нормам ислама».

Что касается распределения доходов от нефтяных ресурсов, то этот вопрос должен быть решен после окончательного сбора необходимых сведений. Датой решения проблемы объявлен конец 2007 г.

Пока же в проекте Конституции закреплено положение о том, что «нефть и газ являются собственностью иракского народа, и доходы от их добычи должны быть честно распределены между всеми регионами пропорционально проживающему в них населению, но на ограниченный период большая часть доходов должна передаваться тем регионам, которые были лишены их в период правления С. Хусейна» (имеется в виду шиитская зона на юге Ирака).

Найденный в проекте компромисс между сторонами является слишком хрупким. Очевидно, что новый проект Конституции в полной мере не устраивает ни одну из сторон, и найти оптимальный для всех вариант в данной ситуации практически невозможно. Таким образом, сложившаяся ситуация не может служить доказательством успешности планов модернизации Ирака.

Итак, сравнив ситуации в Ираке и Афганистане, мы видим, что и в той и в другой стране планы США по модернизации политических систем при опоре на внешние факторы не привели к желаемым результатам. Предложенные американцами схемы в условиях переходных обществ не работают. В таких странах, как Афганистан и Ирак, для построения централизованного государства нужна в первую очередь сильная власть. Проанализировав все этапы развития политических систем двух стран, можно прийти к следующим выводам: в Ираке наличие централизованного государства было возможно лишь в период диктатуры С. Хусейна, который сумел консолидировать раздробленное иракское общество. Что касается Афганистана, то в этом государстве попытки централизации имели относительный успех лишь в период нахождения у власти талибов, несмотря на все недостатки этого режима. Как только данный режим был свергнут, страна вновь столкнулась с проблемой раздробленности и междоусобной борьбы полевых командиров.

Американские контртеррористические операции в Афганистане и Ираке пока не решили задачу модернизации этих стран, которую ставило перед собой американское руководство. На данный момент не удастся добиться не только продвижения этих стран по пути становления демократии, но и стабилизации обстановки и установления безопасности в этих сообществах. Таким образом, проведенные операции не создали качественно нового суверенитета, наоборот, они привели к подрыву основ того политического консенсуса, который существовал в этих сообществах и поддерживал их целостность. В данном случае речь

может идти лишь о симуляции суверенитета этих государств, которые по сути не являются ни едиными, ни независимыми.

Американцам не удалось найти привлекательную для этих обществ идею, которая заставила бы их одобрить и поддержать планы модернизации. Идеологическое обрамление подобных операций очень важно; одного лишь силового обеспечения форсированной модернизации, проводящейся внешними силами, недостаточно. Очевидно, что на данном этапе необходимо обеспечить становление в этих странах легитимных, жизнеспособных правительств, поскольку без наличия внутренней силы достичь стабильности этих государств, а тем более сделать качественный рывок вперед в их развитии, будет невозможно.